

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ПРОТЕКАНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ АГРАРНОГО КРИЗИСА В РОССИИ И СССР

С.Ю. СОЛОДОВНИКОВ

*Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в социальной философии, политологии, универсальной истории и некоторых других науках накоплен существенный запас знаний, позволяющий уточнить научные взгляды на возникновение, протекание и разрешение аграрного кризиса в России и СССР. Раскрыть политико-экономическими методами влияние социального капитала на этот процесс – цель этой статьи.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По нашему убеждению, вся российская социально-экономическая история первой половины XX века была предопределена аграрным кризисом и ускоренной индустриализацией страны. Вместе с тем в современной экономической науке (и экономической истории в частности) при рассмотрении этого архисложного и противоречивого процесса по-прежнему наблюдается стремление у многих, в том числе и, безусловно, талантливых ученых, подходить к нему с псевдообъективистских позиций, не учитывая в должной мере его социально-субъектной составляющей. Данная статья, по мнению автора, должна способствовать формированию нового подхода к отечественной экономической истории, когда изучается не только накопление и использование материальных, но и социально-институциональных благ. Сразу же подчеркнем, что в рамках данной статьи нами не ставится цель дать исчерпывающие вопросы на все перипетии российской истории первых десятилетий прошлого века – это физически невозможно. Вместе с тем мы надеемся, что представленная работа будет не только интересна просвещенному читателю, но и представит определенный интерес для представителей современной политической экономии.

В свое время, рассмотрев теоретико-методологические основы исследования социального капитала, нами было выяснено, что в рамках существующей обществоведческой традиции под этим социальным явлением понимаются суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена, и позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду. Исходя из этого подхода (основанного на абсолютизации узкоэкономического и узкосоциологического подходов, на методологически абсурдном непрерывном разделении обществоведения на множество частных научных дисциплин со специфическими предметами исследования, которое сегодня не позволяет взглянуть на проблему в целом), следует, что функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. При этом по гносеологической традиции, заложенной Дж. Коулманом, происходит сведение всего социального богатства общества к социальному капиталу. В данном случае исследователями не учитывается, что накопление социального капитала (как атрибута обществ с выраженной социально-классовой дифференциацией [8]) частными агрегированными субъектами, ориентированными на оптимизацию своих эгональных социально-экономических интересов, не может не причинять в долгосрочной перспективе вреда (в том числе и экономического) обществу.

Нами было установлено, что всеобщим системным свойством социального капитала является

то, что его совокупное количество в обществе не является простой суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала на уровне всего социума, но и потому, что социальный капитал субъектами может использоваться (и используется) не на благо всего общества или в производственных целях, но и с целью максимизации частно-группового потребления, что вступает в противоречие с интересами других групп, государства и социума.

Как известно, события 1917 г. в России во многом были предопределены социальным и социально-экономическим кризисом в сельском хозяйстве, ускоренным индустриальным развитием страны (за период с 1861 г. до начала Первой мировой войны производство промышленной продукции увеличилось в 12,5 раза) [4, с. 38], что вовлекло в капиталистический оборот сельское хозяйство (это вступало в противоречие с общинным и помещичьим землевладением), а также привело к резкому снижению количества социального капитала на уровне социума. Последнее было обусловлено политическим бесправием большинства населения империи, резким и значительным ростом имущественной дифференциации, когда рядом сосуществовали крайние проявления нищеты и богатства. Усугубляемое вырождением правящей элиты (которая не могла править по-новому) и формированием у большинства социальных классов представления о сложившейся социально-экономической системе как крайне несправедливой (низы не могли жить по-старому), это привело к обострению классовой борьбы в обществе с присущим последней преимущественным накоплением социального капитала на уровне социальных классов и социально-классовых групп.

В этой ситуации социальный капитал социально-классовыми субъектами использовался не на благо всего общества (или в производственных целях), а с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, в том числе и за счет насильственного свержения существующей политической системы, физического и экономического подавления социально-экономических субъектов. Это был исторический период, когда легко возникали социально-классовые группировки путем объединения социальных классов и социально-классовых групп с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов. Поскольку главным условием названной интеграции выступало *временное* совпадение интересов объединяющихся субъектов и явное противоречие их социально-экономическим интересам других социальных классов, такое объединение тех или иных социально-классовых субъектов происходило на достаточно короткий исторический промежуток, и, следовательно, накопления социального капитала на уровне данной надклассовой общности не происходило. По нашему мнению, это выступало важным фактором того, что в период гражданской войны бывшие классы-союзники и политические партии, отстаивающие их интересы, быстро переходили из разряда друзей в разряд непримиримых врагов (например, большевики и эсеры).

В эпоху гражданской войны, когда на первое место выступает эгональный классовый (групповой) интерес, когда усиливающееся доверие и взаимопомощь внутри класса используется прежде всего для социально-экономического (а часто и физического) подавления иных субъектов, когда место в системе трудовых отношений, отношений собственности и политической системе определяется не производственными способностями индивидов, а их принадлежностью к тому или иному классу (с учетом исторически обусловленной степени социально-классовой мобильности) и социально-экономической силой этого класса, как правило, происходит деградация экономической системы общества. Эта деградация, в свою очередь, ведет к существенному снижению среднего уровня потребления в обществе, что также усиливает классовую борьбу, способствует разрушению остатков социального капитала на уровне социума и дальнейшему снижению производственного эффекта от функционирования национальной экономической системы. Вырваться из этого «заколдованного круга» невозможно без ускоренного накопления социального капитала на уровне общества. А для того чтобы это произошло, необходимо формирование национальной идеи, воспринимаемой как реальная цель значительной частью (большинством) населения.

В конце XIX - начале XX века в Российской империи происходила общественная дискуссия по поводу решения национального земельного вопроса. Несмотря на возражения противников смены общинного землевладения (под воздействием аграрного кризиса и социально-классовой борьбы в деревне в 1902-1905 гг.), реформа была осуществлена, но она оказалась неполной. Вместе с тем изменения, происходившие в годы столыпинской реформы, способствовали быстрому росту крестьянских хозяйств и уменьшению помещичьего землевладения, так на одну дворянскую десятину приходилось крестьянских в 1894 г. - 2, а в 1918 г. - 5,5 [1, с. 14]. В результате этого «в 1914 г. бо-

лее 80% всей пахотной земли в Европейской России оказались в руках крестьян» [4, с. 45]. У домохозяев средний размер отдельного «... участка увеличился с 10 дес. в 1907 г. до 18 дес. в 1915 г.» [4, с. 45]. Естественно, что такого рода изменения, охватившие около 80% населения страны, сопровождались существенными изменениями в социально-классовой структуре общества. Усиливалось социально-классовое расслоение крестьянства, наблюдался переход части крестьянства в другие социально-классовые общности. Несомненно, что такого рода изменения повлекли за собой снижение социального капитала, накопленного классом крестьянства, как за счет формирования в нем различных социально-экономических групп с разнонаправленными интересами, так и за счет перехода некоторых его представителей в другие социально-классовые общности. Поскольку результатами аграрной реформы оказались недовольны почти все ее участники, что способствовало возрастанию социально-экономических противоречий в обществе и препятствовало развитию у крестьянства имперского самосознания, то в результате это не только не привело к ослаблению классовых противоречий, но и ускорило снижение уровня социального капитала в таких «наддомохозяйственных» субъектах, как социум, социальный класс, губернии, уезды и даже деревни.

Наряду с крестьянством к 1917 г. в Российской империи существовали следующие социальные классы: 1) класс помещиков; 2) класс капиталистов (включающий в себя промышленников и оптовых торговцев); 3) класс государственных управленцев; 4) класс управляющих (включающий в себя управляющих негосударственными коммерческими предприятиями); 5) класс служащих силовых структур; 6) класс интеллигенции (достаточно малочисленный); 7) класс кустарей и ремесленников; 8) класс мелких торговцев; 9) класс государственных служащих - не управленцев; 10) класс наемных рабочих (рабочий класс). Представители 1-5 социальных классов являлись выразителями монопольных экономических интересов [6, с. 781-782], и между ними происходили постоянные взаимные межклассовые перемещения, чему во многом способствовала исторически сложившаяся совокупность межличностных отношений между представителями этих классов, снижающая транзакционные издержки с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющая получить осязаемую социально-экономическую выгоду, которая в свою очередь способствовала дальнейшему увеличению социального капитала внутри этой социально-классовой группировки. Вместе с тем, поскольку все представители названных классов составляли менее 10% населения страны, это, в свою очередь, вело к снижению социального капитала на уровне общества. С учетом того, что переход в классы помещиков, капиталистов, государственных управленцев, управляющих и служащих силовых структур со стороны других социальных классов (за исключением класса интеллигенции) был достаточно затруднен, в том числе и по причине очень высокого уровня неграмотности среди крестьянства, рабочих, кустарей и ремесленников, а также в результате все возрастающего разрыва в доходах, сопровождаемого обнищанием, «пролетаризацией» все большей части населения, то названный процесс снижения социального капитала на уровне общества также ускорялся нравственной деградацией правящей элиты. Кроме того, следует учитывать, что в рассматриваемый период в Российской империи в экономике были сильны позиции зарубежного капитала, чьи интересы были прежде всего ориентированы на монопольную прибыль. Наряду со значительным внешним государственным долгом это также выступало дестабилизирующим социально-экономическим фактором.

Представители части крестьянства (деревенская беднота), а также подавляющее большинство представителей рабочего класса, классов кустарей и ремесленников и мелких торговцев выражали уравнилельные экономические интересы. Поскольку, как уже отмечалось выше, в этот период в империи наблюдалось колоссальное имущественное расслоение, такая направленность интересов названных субъектов способствовала формированию на их базе социально-классовой группировки и быстрому, хотя и в очень неустойчивых (недолговечных) формах, накоплению в последней социального капитала.

Класс интеллигенции, зажиточные крестьяне (не относящиеся к сельской буржуазии), незначительная часть рабочего класса (наиболее квалифицированная и высокооплачиваемая социально-классовая группа) и часть государственных служащих – не управленцев, являлись выразителями трудовых экономических интересов. Названные социально-классовые субъекты по ряду причин не были способны не только оформиться в социально-классовую группировку, но и даже не были готовы к коллективным (классовым) действиям с целью отстаивания своих эгональных классовых социально-экономических интересов.

Для класса интеллигенции основным препятствием для накопления социального капитала на

классовом уровне выступало (да и продолжает выступать сегодня) то, что ввиду специфической нравственной оценки представителями данной социальной общности своего места и роли в обществе (прежде всего - это претензия на роль нравственных и интеллектуальных лидеров если не у всего населения страны, то, по крайней мере, у значительной его части) затрудняется борьба за оптимизацию их собственных классовых интересов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в условиях социальной стабильности именно благодаря этому свойству («переживать за весь народ») интеллигенция способствует быстрому и эффективному накоплению социального капитала на уровне всего общества.

Наиболее квалифицированная и высокооплачиваемая социально-классовая группа рабочего класса также оказалась в двойственном положении. С одной стороны ее представители чувствовали единство исторической судьбы и социальных интересов с рабочим классом, а с другой, что до известной степени роднит их с интеллигенцией, стремились к созданию справедливого социально-экономического порядка (основанного на трудовой (продукционной) социально-экономической системной детерминации). Именно представление о несправедливости сформировавшегося общественно-экономического строя, а не тяготы войны, которых они практически не ощущали (в армию их с оборонных заводов не призывали, заработная плата была достаточно высокой, а, например, цены на хлеб в Петрограде за три года войны выросли всего в три раза) побудили рабочих столицы первыми выступить против самодержавия.

В октябре 1917 г. большевики устанавливают в России диктатуру пролетариата, т.е. части рабочего класса, являющейся носителем уравнительных экономических интересов, что, по существу, являлось началом трансформации накопленного внутри этого сообщества социального капитала в материальные экономические блага. Организационное оформление названного процесса не могло быть осуществлено без создания новой, «пролетарской» системы управления экономической системой общества. В сложной обстановке гражданской войны произошел процесс формирования советского правительства. Это породило многочисленный социальный класс-слой управленцев со специфическими экономическими (и, соответственно, политическими) интересами.

В период «военного коммунизма» сложилась цельная система реализации экономических интересов победившего рабочего класса - «красногвардейская атака на капитал», продовольственная диктатура, трудовая повинность и т.д. Это неизбежно вступало в противоречие с экономическими и политическими интересами других социальных классов. Однако реакция представителей данных классов на экономическую политику, производимую большевистским правительством, была различна.

Большинство представителей таких социальных классов, как помещики, капиталисты, служащие силовых структур, государственные управленцы и управляющие, в той или иной форме стремились к свержению советской власти и уничтожению самой «диктатуры пролетариата». Основная масса представителей класса интеллигенции по причинам, раскрытым нами выше, не оказывала сопротивления диктатуре пролетариата и либо иммигрировала за пределы страны, либо выполняли практически все требования советской власти. Именно эти люди в 20-30-е гг. во многом способствовали своим участием массовой подготовке новых советских специалистов и индустриализации промышленности.

Стержень борьбы за создание наиболее благоприятных условий для реализации эгональных классовых экономических интересов в этот период проходил через отношения победившего рабочего класса и крестьянства (составляющего в этот период большинство населения Советской России и обладающего наибольшим количеством социального капитала, накопленного на уровне класса) и выражался прежде всего в проведении политики хлебной монополии продразверстки. В этот период именно хлебная монополия, соответствовавшая экономическим интересам рабочего класса, во многом предопределила отношения этого класса с имущими слоями населения, обусловив применение по отношению к последним революционного налога и трудовой повинности. Следует подчеркнуть, что возможность применения продразверстки в этот период свидетельствовала о силе рабочего класса, которая значительно превышала силу правящих классов Российской империи в 1914-1916 гг. Так попытки введения царизмом продразверстки в ходе I Мировой войны потерпели неудачу.

Вместе с тем подобного рода экономические действия со стороны победившего рабочего класса шли в разрез с интересами крестьянства, которое хотя и не сформировалось в социальный класс и само раздиралось внутриклассовыми противоречиями, но было сильно хоть и не организованно-

стью (как рабочий класс и зарождающийся советский класс государственных управленцев), но своей численностью. Крестьянство решительно выступило в защиту своих экономических интересов. Так, только в июле-августе 1918 г. произошло более 200 антисоветских восстаний и выступлений, 154 вооруженных нападений на продотряды, погибло 20 000 членов продовольственных отрядов и комбедов [2, с. 446]. При этом следует отметить, что успешность крестьянских выступлений на региональном уровне не привела и не могла привести к захвату этим классом политической власти в обществе, поскольку, как уже отмечалось выше, в этот момент крестьянство было дистрахо-классом (т.е. классом в стадии распада) с вытекающей из этого неспособностью к согласованным масштабным действиям.

В результате вооруженной борьбы на этом этапе в деревне победили экономические интересы крестьянства, и советское правительство было вынуждено осуществить радикальный переход от продразверстки к продналогу: теперь крестьянин мог распоряжаться продуктами, оставшимися после уплаты налога. А это постепенно вынудило перейти к товарно-денежным отношениям. Следует подчеркнуть, что политическая дискриминация крестьянства продолжалась еще долгие годы и способствовала успешной реализации политики «ножниц цен» в условиях индустриализации, проведению коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания.

В Советской России в начале 20-х гг. произошло (в связи с НЭПом) быстрое восстановление денег и рынка, которые, в сочетании с активной структурной политикой, опиравшейся на планово-балансовые расчеты, привели к быстрому, в течение 5-6 лет, достижению довоенного уровня по основным макроэкономическим показателям. Крестьянство в этот исторический момент переживает сильное социально-классовое расслоение.

Рабочие на частных предприятиях в этот период отличаются по своему месту (по сравнению со временем до Октябрьской революции) в политических отношениях (получают большие объемно-правовые прерогативы) и в отношениях собственности (получают возможность влиять через целую систему новых политических институтов на распоряжение и использование своей рабочей силы, а также средств производства на предприятиях, где они работают). Не менее важным, на наш взгляд, является осознание этими рабочими изменения своего места в обществе. Рабочий класс в этот период одержал очевидную для него победу в захвате политической и социально-экономической власти в обществе во многом благодаря чувству классовой сплоченности, как результата огромного социального капитала, накопленного им на классовом уровне, и умелому применению большевистской партией марксистского учения. Следует подчеркнуть, что зародившийся после октябрьской революции новый класс советских государственных управленцев, быстро набирающий силу и постепенно присваивающий все большие социально-значимые управленческие функции, в этот период начал процесс постепенного (очень медленного) фактического отстранения рабочего класса от политической и экономической власти.

В это время происходит формирование советского рабочего класса (в него вошли рабочие государственных предприятий), который занимает доминирующее место в отношениях социально-экономического определения и собственности. Неэквивалентный обмен (монопольно низкие цены на сельскохозяйственную продукцию и монопольно высокие на промышленные товары) между крестьянством и рабочими, занятыми на крупных государственных предприятиях, создавал оптимальные условия для реализации уравнительных и монопольных экономических интересов последних. По отношению к мелким торговцам, ремесленникам и капиталистам, пытавшимся торговать по равновесным ценам, оказывалось прямое административное и организованное общественное давление.

В этот же период происходит формирование новых советских классов: пенсионеров (в результате создания государственной пенсионной системы), государственных служащих-неспециалистов, служащих силовых структур и государственных управленцев и происходит превращение последних из класса-слоя собственно в социальный класс и занятие им доминирующего социально-институционального положения в обществе.

На наш взгляд, понять феномен становления советского класса государственных управленцев («партийно-государственной бюрократии»), легкость и быстроту, с которой он занял господствующее положение в обществе, невозможно без учета:

во-первых, феномена дифференциации социального капитала по определенным уровням и между различными социальными группами;

во-вторых, того, что практически на всей территории Российской империи (по-видимому, за исключением Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии, западных регионов Беларуси и Украины), а затем СССР существовала коммунальная материально-технологическая среда [3]. Последняя, как известно, формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы. Коммунальность материально-технологической среды, подразумевающая ее целостность, неразрывность связей между элементами, ее представление как единого комплекса, состоящего под общим управлением, предопределяет скорейшее накопление социального капитала на уровне общества;

в-третьих, закономерностей взаимозависимости динамики и высокой степени диссипативности таких социальных явлений, как культура, институциональная и материально-технологическая среды. Названный тезис обозначает, что устойчивые, существующие как рамки для социально-экономического поведения, глубинные институциональные структуры, становление которых обусловлено материально-технологическими условиями возникновения и развития общества, неразрывно связаны (взаимообусловлены) не только с субъектными структурами, их персонифицирующими [5], но и с культурой;

в-четвертых, исторической специфики форм и методов классовой борьбы в период 1917-1941 гг.;

в-пятых, способности в этот период нового класса государственных управленцев не только эффективно формировать социальный класс на уровне общества, но и монопольно присваивать результаты от его использования.

Рассмотрим это подробнее.

С точки зрения возможности изменения (сохранения) существующих отношений собственности определяющее значение имеет степень обладания социально-экономическим субъектом (в частности, социальным классом) властью, прежде всего политической. Так, после захвата большевиками (выразителями коммуноцентрических интересов) в октябре-ноябре 1917 г. политической власти, они в то же время еще не обладали экономической властью, т.е. не стали собственниками производительных сил общества. В то время в городе подавляющая часть объектов собственности (и, соответственно, экономическая власть) по-прежнему находилась в руках крупной и средней буржуазии, государственных банковских и других (связанных с обслуживанием и контролем за производством и распределением) служащих, т.е. в руках выразителей монопольных интересов. Поэтому одной из первых акций советского правительства была национализация банков, железных дорог и т.д. Вместе с тем, осознавая, что класс капиталистов, оставаясь собственником средств производства, реально держал в своих руках экономическую власть, что позволяло ему по-прежнему претендовать на политическую власть, было осуществлено сначала ограничение его прав собственника на хозяйственные блага (введение рабочего контроля, государственное регулирование условий труда и т.д.), затем начала активно осуществляться политика национализации.

Исходя из того, что основным средством производства является земля, а, значит, тот, кто ею владеет, наделен существенной экономической властью, государство диктатуры пролетариата осуществило национализацию земли. Данная акция, ущемляя монопольные интересы крупных собственников земли, была поддержана в деревне как выразителями уравнительных, так и трудовых интересов. Затем РКП(б) была осуществлена политическая попытка отторжения бывшей помещичьей земли у крестьян и создания на ее базе совхозов, что должно было обеспечить дальнейшее усиление экономических позиций рабочего класса в деревне и явилось проявлением стремления к реализации уравнительных интересов, которые преобладали в то время среди индивидов, входящих в рабочий класс (и у беднейшего крестьянства). Однако эта попытка встретила решительное сопротивление крестьянства. Лишь в 1928-1933 гг. ВКП(б), опираясь на носителей уравнительных интересов в селе, осуществила отторжение земли у крестьян и создание на ее базе совхозов и колхозов. Последнее обеспечило дальнейшее усиление экономических позиций носителей уравнительных интересов в деревне.

Примерно в то же время была осуществлена централизация (с жестким государственным контролем) мелких производителей в городе. В результате была создана экономическая система, обусловленная уравнительной детерминацией. В СССР она характеризовалась созданием двух социальных классов, являющихся (преимущественно) носителями уравнительных интересов: рабочего класса и класса колхозного крестьянства. Созданная система требовала сильного государственного аппарата, что привело к созданию класса государственных управленцев. Формируясь в само-

стоятельную силу, имея соответственно, специфические экономические интересы (тяготеющие к монопольным), государственные управленцы (бюрократия) начинают активно их отстаивать. Зачастую это шло в ущерб уравнительным интересам рабочего класса и крестьянства.

Возможность такого рода действия со стороны государственных управленцев была предопределена фактическим присвоением ими функций управления обществом. Иначе говоря, со временем произошло перераспределение прерогатив собственников между ними и рабочим классом в пользу первых. Сразу же отметим, что, на наш взгляд, присвоение советской бюрократией функций управления в таком объеме, в котором это произошло в 20-30-е гг. прошлого столетия, стало возможным прежде всего потому, что в российских условиях коммунально-материально-технологической среды адекватные данной среде культура и институциональная среда не были уничтожены в годы трех русских революций и гражданской войны, а продолжали существовать в различных, зачастую трансформированных формах. Соответственно, как только большевики убедительно победили в гражданской войне (т.е. сломали те социально-классовые группы, которые были способны к активным силовым действиям в защиту своих социально-экономических и политических интересов) и начали формировать коммунистическую идеологию, декларирующую приоритеты общего над частным и опирающуюся на лозунги построения справедливой социально-экономической системы, действующей в интересах большинства населения – «всего трудового народа», начала быстро разворачиваться в новых институциональных формах коммунально-технологической среды. Народ, уставший от тягот и невзгод гражданской войны, с легкостью усваивал основные идеи нового коммунистического мировоззрения и, даже не полностью соглашаясь с ним по каким-то нравственным вопросам, быстро создавал социальный потенциал на уровне общества, который в процессе его формирования и капитализации присваивался классом государственных управленцев. На наш взгляд, именно то, что новый класс советских государственных управленцев сумел создать условия для быстрого накопления социального капитала на уровне общества и внутри своего социального класса, а также присвоить себе этот капитал, обусловило формирование в СССР экономической модели, которая наиболее четко может быть определена категорией «государственный капитализм».

Социальный капитал, накопленный на уровне общества, использовался в Советском Союзе не только в эгональных интересах партийно-бюрократической номенклатуры, но и в производственных интересах (а индустриальные успехи первых пятилеток были очевидны), т.е. такое положение вещей до определенного периода устраивало все остальные классы, которые так и не смогли организационно оформиться и стать классом «для себя». Напомним, что, как известно, важным источником уравнительных структур являются соответствующие нравственные ценности человека. Уравнительность как способ борьбы за возвышение своего положения, переходная ступень к последующему возвышению, подразумевает эксплуатацию меньшинства большинством. В Советском Союзе в условиях разрухи в становлении уравнительных отношений было экономически заинтересовано большинство населения. Но поскольку для поддержания уравнительных структур необходима концентрация прерогатив собственника на хозяйственные блага и функции на уровне социума в целом в руках государственного аппарата, то это предопределило трансформацию уравнительных структур в монопольные.

ВЫВОДЫ

Было показано, что экономическое развитие Российской империи в первых десятилетиях XX века, сопровождаемое социальным и социально-экономическим кризисами в сельском хозяйстве, ускоренным индустриальным развитием страны, политическим бесправием большинства населения империи, резким и значительным ростом имущественной дифференциации, когда рядом существовали крайние проявления нищеты и богатства, привело к резкому снижению количества социального капитала на уровне социума. Усугубляемое вырождением правящей элиты (которая не могла править по-новому) и формированием у большинства социальных классов представления о сложившейся социально-экономической системе как крайне несправедливой (низы не могли жить по-старому), привело к обострению классовой борьбы в обществе с присущим последней преимущественным накоплением социального капитала на уровне социальных классов и социально-классовых групп. [10]

В этой ситуации социальный капитал социально-классовыми субъектами использовался не на

благо всего общества (или в производственных целях), а с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизнестойкости, в том числе и за счет насильственного свержения существующей политической системы, физического и экономического подавления социально-экономических субъектов. В эпоху гражданской войны, когда на первое место выступает эгональный классовый (групповой) интерес, когда усиливающееся доверие и взаимопомощь внутри класса используется, прежде всего, для социально-экономического (а часто и физического) подавления иных субъектов, когда место в системе трудовых отношений, отношений собственности и политической системе определяется, прежде всего, не производственными способностями индивидов, а их принадлежностью к тому или иному классу (с учетом исторически обусловленной степени социально-классовой мобильности) и социально-экономической силой этого класса, как правило, происходит деградация экономической системы общества. Эта деградация в свою очередь ведет к существенному снижению среднего уровня потребления в обществе, что, в свою очередь, также усиливает классовую борьбу, способствует разрушению остатков социального капитала на уровне социума и дальнейшему снижению производственного эффекта от функционирования национальной экономической системы. Вырваться из этого «заколдованного круга» не возможно без ускоренного накопления социального капитала на уровне общества. А для того, чтобы это произошло, необходимо формирование национальной идеи, воспринимаемой как реальная цель значительной частью (большинством) населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бразоль, Б.Л. Царствование императора Николая II - 1894-1917гг. в цифрах и фактах/ Б.Л. Бразоль. - Минск: Польша, 1991.
2. История советского рабочего класса /АН СССР, ин-т истории СССР; редкол.: С.С. Хромов[и др.]– М.: Наука - Т.1. – 1984.
3. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России/ С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001.
4. Очерки экономических реформ / Ю.Ф. Воробьев, Р.А. Белоусов, С.Н. Петликина[и др.]; под ред. Ю.Ф.Воробьева// РАН, Ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России.- М., Наука, 1993.
5. Солодовников, С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки)/ С.Ю. Солодовников. – Минск: Право и экономика.
6. Солодовников, С.Ю. Социально-экономические системные детерминации// Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия/ под общ. ред. С.Ю.Солодовникова.- Минск.: МФЦП, 2002.
7. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях глобализации / С.Ю. Солодовников., Т.В. Кузьмицкая., А.А. Раков.[и др.]. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации. – Минск: Право и экономика, 2006.
8. Солодовников, С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика/ С.Ю. Солодовников - Минск.: Право и экономика, 2003.
9. Солодовников, С.Ю. Социально-классовая структура общества// Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия/ Главный научный редактор и составитель С.Ю.Солодовников.- Минск: МФЦП, 2002.
10. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал Республики Беларусь // Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С.Ю. Солодовников [и др.]– Минск: Белорус. наука, 2008.– С.205 – 358.

INFLUENCE OF THE SOCIAL CAPITAL ON COURSE AND THE SANCTION OF AGRARIAN CRISIS IN RUSSIA AND THE USSR

S.Y. SOLODOVNIKOV

Summary

In the article it is shown that under conditions of the socio-economic crises the accumulation of social capital is implemented on the level of separate subjects which are using it not for the well-being of the whole society (or for the productive aims) but for their social-economic vitality optimization including violent liquidation of the existing political system and economic oppression of socio-economic subjects. This phenomenon is considered from the point of view of the agrarian crisis in Russia at the beginning of the 20-th century and the later socio-economic revolutionary transformations.